Р.О. ФАТХУЛЛИН,
аспирант
Московского государственного
университета
путей сообщения

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОЛОВНОЙ КОМПАНИИ ТНК

В статье проанализированы существующие в международном частном праве подходы к определению права, применимого при установлении ответственности головой компании транснациональной корпорации. Обоснована целесообразность использования концепции «наилучшего права».

Ключевые слова: транснациональная корпорация, ответственность, головная компания, применимое право, характер правовых связей.

R.O. FATKHULLIN,
graduate student
of the Moscow state university
means of communication

DEFINITION OF THE APPLICABLE LAW AT ESTABLISHMENT OF RESPONSIBILITY OF THE HEAD COMPANY OF MULTINATIONAL CORPORATION

In article approaches existing in the international private law to definition of the right applicable at establishment of responsibility by the head of the company of multinational corporation are analysed. Expediency of use of the concept of «the best right» is proved.

Key words: multinational corporation, responsibility, head company, applicable law, nature of legal communications.

Системное исследование правовой природы транснациональных корпораций предполагает анализ особенностей определения права, применимого в тех случаях, когда головная компания несет ответственность по обязательствам своих дочерних компаний. Специфика такого анализа определяется структурой транснациональных корпораций, которые состоят из нескольких формально самостоятельных юридических лиц, фактически объединенных ради достижения единых экономических целей и управляемых головной компанией. Поэтому принципиальное значение имеет выявление наличия определенных связей между головной и дочерними компаниями, а также установления характера этих связей. Именно от характера этих связей будет зависеть и возможность привлечения головной компании к юридической ответственности, и характер этой ответственности, и поиск применимого права. В связи с этим крайне важным представляется вопрос об определении характера правовых связей между головной и дочерними компаниями.

Выбор применимого права при установлении ответственности головной компании может осуществляться в рамках двух моделей: в первом случае суд придерживается какой-либо одной коллизионной привязки, применяя ее ко всем сходным правоотношениям; во втором случае в рамках концепции «наилучшего права» суд не придерживается одной коллизионной привязки, а выбирает «наилучшее» в данном случае право[1].

Что касается первой концепции, отметим, что в теории и практике международного частного права обычно выделяют следующие подходы к определению применимого права к деликтным обязательствам: lex loci delicti, lex fori, proper law и lex loci damni infecti[2].

Коллизионная привязка lex loci delicti (место совершения деликта) является доминирующей в Европе и в США, а также применяется в ряде других стран (Австралия, Япония, Канада)[3]. Как отмечает В.П. Звеков, этому варианту определения права, применимому к обязательству из причинения вреда, следуют законы Венгрии (если местом жительства лица, причинившего вред, и потерпевшего является одно и то же государство), Германии (если обязанное предоставить возмещение лицо и потерпевший в момент влекущего за собой ответственность события имели свое обычное местопребывание в одном и том же государстве), Италии (когда правонарушение касается лишь лиц, имеющих гражданство одного и того же государства или

---

[1] *Cramton R.C., Currie D.P., Kay H.H., Kramer L.* Conflict of Laws: Cases-Comments-Questions. 5 ed. St. Paul, Minnesota, 1993. P. 206–218.

[2] *Манукян М.А.* Четыре подхода к определению права, подлежащего применению к деликтным обязательствам // Международное публичное и частное право. 2009. № 5. С. 20.

[3] *Collier J.G.* Conflict of Laws. 3 ed. Cambridge University Press, 2001. P. 220.

пребывающих на территории одного и того же государства), канадской провинции Квебек (в любом случае, если лицо, совершившее вредоносное действие, и потерпевший домицилированы или имеют место проживания в одной и той же стране), Польши (если стороны являются гражданами одного и того же государства и имеют в нем место жительства), Туниса (когда лицо, совершившее вредоносное действие, и потерпевший имеют свое обычное место пребывания в одном и том же государстве), Швейцарии (если причинитель вреда и потерпевший имеют место обычного пребывания в одном и том же государстве), Эстонии (в случаях, когда стороны в момент наступления события, имеющего правовое значение, или совершения действия имели место жительства в одном и том же государстве; в отношении юридического лица вместо места жительства учитывается место нахождения его правления или органа, заменяющего правление, либо место деятельности, связанное с этим действием или событием)[4].

При этом зарубежные правовые системы прибегают к различным способам определения места, где деликт следует считать совершенным. В одних странах под locus delicti понимается место совершения действия, причинившего вред, в других – деликтное обязательство подчиняется праву той страны, где наступил результат вредоносного действия.

В российском законодательстве предусмотрено, что общим правилом при определении применимого права к деликтным обязательствам считается lex loci delicti. Такое определение применимого права присутствовало и в советском праве[5]. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, если вред наступил в другой стране, нежели в стране совершения деликта, может быть применено право этой страны, если причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть наступление вреда в этой стране (п. 1 ст. 1219). Более того, если деликт был совершен за границей и стороны являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, будет применено право этой страны (п. 2 ст. 1219). Если стороны такого обязательства не являются гражданами одной и той же страны, но имеют место жительства в одной и той же стране, применяется право этой страны[6].

В соответствии с п. 3 рассматриваемой статьи после совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших за собой причинение вреда, стороны могут договориться о применении к обязательству, возникшему вследствие причинения вреда, права страны суда. Фактически речь идет о подходе lex fori. В соответствии с подхо-

[4] См.: *Звеков В.П.* Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007.

[5] *Лунц Л.А.* Международное частное право. М., 1984. С. 215, 216.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 30.06.2008) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

дом lex fori, применяющимся в Германии, право, подлежащее применению к деликтным обязательствам, определяется правом места нахождения суда. В этом случае при применении коллизионной привязки решающее значение будет иметь выбор юрисдикции, так как именно право суда будет являться правом, применимым к деликтному обязательству. Как отмечает В.П. Звеков, ориентированный на германское законодательство Закон Грузии 1998 г. «О международном частном праве» подчиняет обязанность возмещения вреда праву страны:

а) более благоприятному для потерпевшего;

б) где имело место действие или обстоятельство, служащее основанием для требования о возмещении вреда;

в) где был причинен вред интересу, защищенному правом[7].

Как отмечают Н.Ю. Ерпылева и У.Э. Батлер, закон страны суда является широко распространенной формулой прикрепления и предусматривает, что конкретное правоотношение регулируется законодательством государства, суд которого рассматривает связанный с ним спор. Данная формула прикрепления применяется главным образом для регулирования процессуальных вопросов ведения гражданского судопроизводства. Это значит, что суд, рассматривающий гражданско-правовой спор, всегда будет применять собственное национальное процессуальное право. Однако и вопросы материально-правового характера могут решаться в соответствии с законом страны суда, если на это есть прямое указание коллизионного права[8].

Нецелесообразность применения данного подхода очевидна в тех случаях, когда инкриминируемое деяние является ненаказуемым по праву страны, где расположен суд.

По мнению М.А. Манукяна, наличие в гражданском праве России нормы, устанавливающей подход lex loci delicti, представляется неоправданным. Так, если рассматривать деликтные обязательства двух иностранных юридических лиц по поводу акта, произошедшего на территории России, то российский суд должен применять право страны, где эти иностранные юридические лица учреждены. Такое определение применимого права может ущемлять государственные интересы России – страны, где произошел деликт. Было бы целесообразно, отмечает М.А. Манукян, если такая норма применялась бы не ко всем, а только к российским гражданам и юридическим лицам, что дало бы возможность российским судам применить российское право, с одной стороны, к деликтам двух российских лиц, имевшим место за границей, и с другой – к деликтам иностранных лиц, произошедшим на территории России. Цитируемый автор ссылается на аналогичное правило, которое

[7] См.: *Звеков В.П.* Указ. соч.

[8] *Ерпылева Н.Ю., Батлер У.Э.* Коллизионное регулирование в международном частном праве России и Украины // Законодательство и экономика. 2006. № 9.

существует в Англии, где в деле Szalatnay-Stacho v. Fink суд постановил, что в случаях, когда деликт произошел в Англии, применяется английское право[9].

Следует согласиться с цитируемым автором в том, что при применении подхода lex loci delicti часто можно столкнуться с проблемами определения точного места совершения акта, являвшегося причиной возникновения вреда. Такое явление имеет место особенно по деликтам с участием разных компаний транснациональных корпораций, которые структурированы таким образом, что головная компания часто обладает полным контролем над принятием решений дочерних компаний. В таком случае непосредственным источником совершения деликта часто может служить именно головная компания.

Таким образом, в ст. 1219 ГК РФ закреплен принцип применения классической коллизионной привязки закона места совершения деликта (lex loci delicti commissi)[10].

Вместе с тем законодательно закреплены следующие ограничения этого принципа.

Во-первых, если вред наступил в другой стране, то может быть применено право этой страны, если причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть наступление вреда в этой стране.

Во-вторых, если законы сторон деликтного обязательства, возникшего за границей, совпадают, т.е. если причинитель вреда и потерпевший являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, применяется право этой страны.

В-третьих, если стороны деликтного обязательства не являются гражданами одной и той же страны, но имеют место жительства в одной и той же стране, применяется право этой страны.

В-четвертых, если стороны деликтного обязательства после наступления или совершения деликта договорились о применении к данному обязательству права страны суда, применяется указанное право.

В-пятых, в случаях причинения вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги потерпевший может выбрать либо право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда, либо право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший, либо право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, либо право страны, где был приобретен товар[11].

Региональные международно-правовые акты стран СНГ также закрепили привязку к праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основа-

[9] *Манукян М.А.* Указ. соч. С. 22.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 30.06.2008) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[11] *Александрина М.А.* Коллизионно-правовое регулирование ответственности по обязательствам из причинения вреда в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 21.

нием для требования о возмещении вреда, и как ограничение этого принципа – закон общего гражданства сторон деликтного правоотношения (Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.; Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, г. Киев, 1992 г.; Кишиневская конвенция о правовой помощи 2002 г.; Соглашение стран СНГ о взаимном признании прав на возмещение вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием или иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей 1994 г.).

В договорах о двусторонней помощи, заключенных СССР и Россией с другими странами, закреплен общий принцип lex loci delicti commissi. Исключения допускаются в виде применения закона страны гражданства и закона страны суда.

М.А. Александрина сформулировала общие черты коллизионно-правового регулирования деликтных обязательств с иностранным элементом:

- возможность выбора применимого права отсутствует или в значительной степени ограничена;
- основная коллизионная привязка в настоящее время lex loci delicti commissi;
- для отдельных деликтных обязательств может быть применено право, наиболее тесно связанное с правоотношением[12].

[12] Там же. С. 22.

В то же время автор подчеркивает, что на международном уровне достигнуты значительные результаты в сфере унификации коллизионного права.

В начале 70-х годов XX в. в рамках Гаагской конференции по международному частному праву были подготовлены и приняты две конвенции, посвященные коллизионным вопросам обязательств из некоторых видов гражданских правонарушений, – Конвенция о праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям, 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.), и Конвенция о праве, применимом к ответственности изготовителя, 1973 г. (далее – Конвенция 1973 г.)[13].

Международные конвенции для некоторых видов деликтных обязательств содержат унифицированные материально-правовые нормы.

Согласимся с М.А. Александриной в том, что этого недостаточно: «В отсутствие глобального международного правового акта и единообразных национальных законов о деликтах нет системы оснований возникновения деликтных обязательств, общих правил о размерах и пределах ответственности, системы мер обеспечительного характера, принципов определения применимого права»[14].

Несмотря на то что гражданское законодательство российской Федерации четко закрепляет принцип lex loci delicti, в отдельных случаях предусмотрено применение другого принципа – lex fori, то есть законна страны суда. Так, в соответствии со

[13] Там же.

[14] Там же.

ст. 424 Кодекса торгового мореплавания РФ к возникновению морского залога на судно и очередности удовлетворения требований, обеспеченных морским залогом на судно, применяется закон государства, в суде которого рассматривается спор[15].

Появление такой нормы в российском законодательстве А.А. Шашорин объясняет как вполне логичное. Морской залог – уникальный институт в истории права, который отличается и от залога, и от права удержания. Сущность морского залога основана на том, что само судно является «юридическим лицом» и «несет ответственность» за исполнение обязательств, связанных с судном. Морской залог обладает приоритетом даже перед зарегистрированной ипотекой. Все это существенно отличает морской залог от залога и удержания по общему праву. При этом национальные законодательства Великобритании, США и других стран несколько отличаются в том, какие требования считаются обеспеченными морским залогом, а также очередности удовлетворения требований. Для разрешения этой проблемы в законодательство большинства государств, в том числе в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, была включена коллизионная норма о применении к морским залогам права места рассмотрения спора – lex fori[16].

Таким образом, присутствие в отечественном законодательстве такой нормы не влияет на общий подход к определению применимого права при установлении ответственности в международном частном праве.

Завершая статью, сделаем следующие выводы.

Для понимания правовой природы транснациональных корпораций и практического совершенствования правового регулирования их деятельности большое значение имеют вопросы, связанные с юридической ответственностью.

Так как ТНК являются субъектами международного частного права, то речь идет в первую очередь о гражданско-правовой ответственности. В то же время в контексте конвергенции норм частного и публичного права уместно вспомнить, что юридические лица также могут подвергаться административной, а в некоторых странах и уголовной ответственности.

В большинстве случаев невозможно привлечь головную компанию транснациональной корпорации к ответственности по обязательствам ее дочерней компании, однако иногда такие случаи имеют место. В связи с этим важность приобретает проблема определения применимого права при установлении ответственности головной компании ТНК.

В международной практике существуют различные подходы к определению применимого права при установлении ответственности. В России, как и в большинстве современных развитых государств, использу-

---

[15] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 19.07.2011) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

[16] См.: *Шашорин А.А.* Ипотека морских судов и морской залог // Закон. 2006. № 12.

ется принцип применения классической коллизионной привязки закона места совершения деликта. При этом законодательно закреплены ограничения этого принципа. Такой подход не всегда оправдывает себя, особенно при привлечении к ответственности головной компании ТНК. В связи с этим представляется целесообразным использование концепции «наилучшего права», в рамках которой суд не придерживается одной коллизионной привязки, а выбирает наиболее подходящее в данном конкретном случае право. Это позволит повысить эффективность привлечения к юридической ответственности транснациональных корпораций.

Библиографический список:

1. *Александрина М.А.* Коллизионно-правовое регулирование ответственности по обязательствам из причинения вреда в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 21.

2. *Ерпылева Н.Ю., Батлер У.Э.* Коллизионное регулирование в международном частном праве России и Украины // Законодательство и экономика. 2006. № 9.

3. *Звеков В.П.* Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007.

4. *Лунц Л.А.* Международное частное право. М., 1984. С. 215, 216.

5. *Манукян М.А.* Четыре подхода к определению права, подлежащего применению к деликтным обязательствам // Международное публичное и частное право. 2009. № 5. С. 20.

6. *Шашорин А.А.* Ипотека морских судов и морской залог // Закон. 2006. № 12.

7. *Collier J.G.* Conflict of Laws. 3 ed. Cambridge University Press, 2001. P. 220.

8. *Cramton R.C., Currie D.P., Kay H.H., Kramer L.* Conflict of Laws: Cases-Comments-Questions. 5 ed. St. Paul, Minnesota, 1993. P. 206–218.